

Затерянные в горах

Александра Шапкун

18+

Александра Шапкун
Затерянные в горах

«Автор»

2026

Шапкун А. С.

Затерянные в горах / А. С. Шапкун — «Автор», 2026

ОНИ ПРИЕХАЛИ ИССЛЕДОВАТЬ АНОМАЛИЮ. ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО АНОМАЛИЯ ИССЛЕДОВАЛА ИХ. Пять незнакомцев. Заброшенный отель в горах Сибири. Неуклюжая советская постройка скрывает нечто древнее и чужое. Место, где сходят с ума приборы, а из каменных трещин сочится не только радон, но и эхо забытых кошмаров. Каждого из них сюда привел личный демон: профессиональная вина, неразгаданная смерть близкого, наследственный страх, одержимость наукой, болезненная острота чувств. Они приехали за данными, за правдой, за спасением. Но «Перевал» — не просто точка на карте. Это живая машина, чей эксперимент над человеческой психикой не прекратился с уходом советских ученых. Он ждал новых подопытных. С нужными травмами. С подходящими страхами. Чтобы выжить, им придется не бежать от своих самых темных тайн, а посмотреть им в лицо. Потому что в этих горах снятся сны. И самые страшные сны — наши собственные.

© Шапкун А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. СБОРНИК АНОМАЛИЙ	5
День 1. Сбор.	7
День 2. Исследование территории.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александра Шапкун Затерянные в горах

ПРОЛОГ. СБОРНИК АНОМАЛИЙ

1. Геологическая сводка. 1968 год.

Отчёт экспедиции Института физики Земли под грифом «Для служебного пользования».

«...участок в верховьях реки Казыр представляет уникальный и неудобный для строительства случай. Гранитный массив прорезан глубокой (предположительно до 500 м) тектонической трещиной, заполненной рыхлыми отложениями. Циклические выбросы радона из трещины фиксируются с периодичностью 6-8 часов, что создаёт постоянный высокий радиационный фон в низине. Местные проводники называют это место «Утроба Камня» и избегают ночёвок в радиусе трёх километров. Рекомендация: из-за сложного рельефа, нестабильности грунта и потенциальной опасности для здоровья персонала, строительство турбазы на указанных координатах (52°41'24.3"N 93°15'38.1"E) нецелесообразно».

На полях отчёта, другим, более свежим почерком, выведено:

«Приказ сверху. Строить. Изоляция – бонус».

2. Из полевого дневника этнографа А. Семёнова. 1923 год.

«...старый Тарлаш сегодня наконец заговорил о Сердце Хребта. Говорит, это не бог и не дух. Это состояние. Место, где гора не спит, а дремлет. И видит сны. Сны эти тяжёлые, каменные, они стекают в долину, как туман. Человек, попавший в такой сон, начинает видеть свои собственные страхи, вылепленные из инея и ветра. «Он не злой, – сказал Тарлаш, постучав пальцем по виску. – Он просто одинокий. И ему снятся те, кто пришёл. А потом он путает: где его сон, а где человек...» Лекарства нет. Есть только уйти до того, как твой страх станет плотнее тебя самого. Уйти, оставив свой страх ему на съедение. Он будет его жевать медленно, сотни лет...»

3. Выписка из секретного приказа № 047/СС Министерства среднего машиностроения СССР. 1974 год.

«...в целях проведения натуральных исследований в области психофизиологии и сенсорной депривации, утвердить объект «Перевал-1» (бывшая турбаза «Перевал») в качестве экспериментальной площадки. Основная задача: изучение пределов адаптации человеческой психики к комбинированным стресс-факторам (изоляция, гипоксия, контролируемое сенсорное воздействие) в интересах оборонной программы «Граница». Начальнику объекта предоставить право отбора контингента из числа добровольцев и «условно-подходящих» лиц. Все данные засекречиваются на 50 лет».

Подпись неразборчива, сведена в чёрный прямоугольник.

4. Запись в цифровом блокноте. Дата: 13 октября. Автор: Вера Миронова.

Тема: Предпосылки к полевым работам по проекту «Геотермические аномалии юга Сибири». Личный рабочий файл.

Объект: Бывшая турбаза «Перевал», ныне частный отель-призрак. Координаты привязаны.

Гипотеза: На основе рассекреченных фрагментов архива (прилагаются сканы 1-3) выдвигаю предположение, что объект изначально строился как маскировка под исследовательский полигон типа «Лаборатория в естественной среде». Причины выбора места: не «несмотря на» аномалии, а благодаря им. Тектоническая трещина – источник радона (подавляющее воздействие на ЦНС при длительном воздействии). Особый акустический профиль ущелья (частые инфразвуковые «гулы», фиксируемые сейсмографами). Цель моей поездки – не только сбор

текущих данных. Цель – верификация прошлого. Поиск материальных следов старых экспериментов. Сопоставление их с данными о «несчастных случаях» и пропажах людей в районе в 70-80-е гг.

Личная мотивация: Павел (муж) работал по схожей тематике («Геофизические факторы в этиологии групповых психозов»). Погиб на Памире в 2016. Официально – сорвался в расщелину. В его полевом дневнике, который мне передали со скомканными страницами, в последней читаемой записи: «Они не падают. Их затягивает. Расщелина дышит. И хочет смотреть наши сны...»

Я еду, чтобы понять, была ли его смерть несчастным случаем. Или завершением эксперимента, в который он, как и я теперь, полез со своими приборами и своей непоколебимой верой в графики.

Методология: Установка сейсмографов нового поколения с записью инфразвукового диапазона. Забор проб грунтовых газов (радон, CO₂, метан). Детальная фотофиксация архитектуры объекта на предмет скрытых конструкций. Опрос единственного сотрудника (Л.С. Иванов, администратор), если позволит.

Гипотеза финальная: Страх, лишённый мистической оболочки и переведённый в цифры, перестаёт быть страхом. Он становится объектом изучения, чертёжом механизма. Даже если этот механизм однажды сломал Павла. Особенно тогда.

В.М.

День 1. Сбор.

Отель «Перевал» не был готическим замком. Он был воплощённой административной ошибкой, застывшей в силикатном кирпиче. Типовой советский долгострой семидесятых, заброшенный на полпути между турбазой и санаторием, достроенный кое-как в восьмидесятых и так и не определившийся со своим назначением. Двухэтажная коробка с плоской крышей, облезлая штукатурка жёлтого, больничного оттенка. Он врос в выступ скалы над узким ущельем, как неудачный зубной протез в дёсны. Не зловещий – унылый и чужой.

Именно в этой казённой банальности, понимал Алексей, и таилась главная опасность. Безумие не приходит в театральных декорациях викторианских особняков. Оно рождается в коридорах с потёртым линолеумом цвета запёкшейся крови, в запахе пыли, старой варёной капусты и сладковатого, вьёвшегося в стены дезинфектанта. Оно одето в форму, выдаёт предписание и требует расписаться в получении.

Алексей Гордеев прибыл первым. Такси, пыльная «Буханка» с помятыми боками, отчаянно рычало на последнем подъёме по старой лесовозной дороге. Он вышел, заплатил водителю без слов, кивком. Его багаж – один тёмно-серый чемодан на колёсиках и жёсткая дорожная сумка – выглядел неуместно стерильным на фоне грязного, ноздреватого снега у крыльца. Он не стал сразу заходить, осмотрелся, делая вид, что разминает затекшую спину.

Горы вокруг не были живописными. Это была голая, бурая мощь, прикрытая чёрным частоколом елей и клочьями снега. Холодный воздух пах хвоей, металлом и чем-то ещё – слабым, но устойчивым запахом сероводорода, словно где-то далеко тухли гигантские яйца.

У двери, прежде чем взяться за чёрную, облупившуюся ручку, он сделал паузу. Снял тонкие кожаные перчатки, аккуратно сложил их в карман пальто. Затем достал из внутреннего кармана другие – хирургические, матово-белые, в индивидуальной упаковке. Разорвал её, натянул перчатки, разглаживая каждую складочку у пальцев до идеального прилегания.

И в голове, как всегда в этот ритуальный момент, всплывал один и тот же кадр. Не красная, а тёмная, почти чёрная, как старая кровь, волна, заполняющая операционное поле. Не крик, а тихий, прерывистый звук монитора, превращающий ритм в прямую линию. И кончик его скальпеля, сделавший не грубую ошибку, а микроскопическое, роковое отклонение – не в сторону, а на полмиллиметра глубже, в тонус сосуда, ослабленный незамеченной аневризмой. Шов на аорте превратился в рваную ранку под давлением. Он моргнул, отгоняя образ. Контроль. Только контроль. Только после этого он толкнул дверь, будто входя не в холл отеля, а в предоперационную.

Внутри пахло так, как он и ожидал: пыль, влажная штукатурка, сладковатый след старого табака и та самая капуста. Небольшой холл освещала потускневшая люстра-паук с пятью рожками, три из которых были пусты. За стойкой регистрации – никого. На стене – главное «украшение»: огромное панно из смальты. Стилизованные альпинисты оранжевого и синего цвета карабкались по стеклянным скалам к сияющему солнцу. Один кусочек смальты откололся, оставив чёрную дыру вместо лица одного из восходителей. Слепой покоритель.

– Есть кто? – голос Алексея прозвучал тихо, но чётко, привычно разносясь в мёртвом, поглощающем звуки пространстве.

Из-за угла, из-за стойки, вышел мужчина. Невысокий, сутулый, в простом тёмно-синем свитере, растянутом на животе. В руках – книга в потрёпанном переплёте, он прикрывал разрез пальцем. Администратор. Или смотритель. Алексей мельком увидел обложку: советский роман о любви, изданный лет тридцать назад. Мужчина молча, не отрываясь от текста, кивнул, протянул из-под стойки ключ на деревянной болванке. «Номер пятый. Наверху. Остальные потом».

Алексей взял ключ. Его взгляд упал на стойку. Рядом с журналом регистрации стоял обычный стакан с водой. Поверхность воды едва заметно дрожала, создавая мелкую, частую рябь. Не было ни сквозняка, ни шагов. Стекло просто вибрировало.

Администратор проследил за его взглядом, затем медленно поднял глаза от книги. Их взгляды встретились на секунду. Во взгляде мужчины не было ни вопроса, ни удивления. Было усталое, почти профессиональное понимание: «Да, видишь. И я вижу. Но говорить об этом не будем».

Алексей кивнул про себя и направился к лестнице.

Марина Приходько приехала на рейсовом автобусе, который ходил раз в сутки из райцентра. Древний «ПАЗик», проскрипев тормозами, выплюнул её с тяжёлым, старомодным чемоданом на обочину у развилки и, не задерживаясь, пополз дальше вниз по долине, глотая серую мглу. Она постояла минуту, слушая, как затихает его рокот. И наступила Тишина.

Это была не просто отсутствие звука. Это была плотная, ватная субстанция, которая обволакивала уши, давила на барабанные перепонки. Тишина, в которой собственное сердцебиение звучало как далёкий, невнятный стук в дверь чужой квартиры.

Она втащила чемодан в холл, не глядя на мозаику. Её взгляд, как щуп, сразу потянулся к стене с фотографиями. Галерея прошлого. Чёрно-белые, цветные, выцветшие снимки в кри-вых рамках: группы туристов у костра, улыбающиеся лыжники с палками, как с копьями, гряда камней с табличкой «Вершина Горбушка. 2240 м». Она подошла ближе, вглядываясь в лица. Ритуал. Она делала это всегда, в каждом новом месте. Искала одно лицо. Высокий лоб, прямой нос, родинка над левой бровью. Отца. Его здесь не должно было быть, он работал на других, более высоких хребтах, но её внутренний сканер проверял автоматически. Защита от неожиданной встречи с прошлым, которое могло подстеречь в самом невероятном месте.

Но сегодня, в преддверии этих конкретных гор, в памяти всплывала не абстракция отца, а конкретная строка из его последнего дневника, выжженная в ней кислотой десятилетнего перечитывания:

«02:30. Вижу на стене метеостанции цифры. Они написаны инеем. 719. 55. 98. Они просят меня их сложить. Не понимаю зачем. Атмосферное давление? Широта? Долгота? Код? Они просто висят. И смотрят».

Марина вглядывалась в выцветшие улыбки на фото, почти ожидая увидеть эти цифры, плывущие на фоне лиц вместо дат. Спустя десять минут, не найдя знакомых черт, она отпустила дыхание, которое неосознанно держала. Не здесь. Ещё не здесь.

Из-за стойки вышел администратор. Молча протянул ключ. «Номер три. Напротив душа».

– Спасибо, – прошептала Марина. – Скажите... Здесь давно работает метеостанция?

Мужчина впервые оторвался от книги. Его глаза, серые и плоские, как галька, изучали её.

– «Высокогорная». За перевалом. Отсюда не видно.

– А... а здесь, в отеле, кто-нибудь из метеорологов бывал? Раньше?

Он медленно покачал головой.

– Туристы. Альпинисты. Учёные... разные. – Он сделал паузу, его взгляд стал чуть острее. – Вы ждёте кого-то?

– Нет, – слишком быстро ответила Марина. – Просто интересуюсь.

Администратор кивнул и вернулся к книге, но его палец больше не водил по строке. Он просто лежал на странице, как указатель места, где чтение прервалось.

Кирилл Волков обрушился на «Перевал» как стихийное бедствие, которое само себя финансирует. Его чёрный Land Rover Defender с тонированными стёклами взревел на подъёме, забросав грязным снегом и щебнем унылый фасад, и встал напротив входа, блокируя его. Он вышел, хлопнув дверцей с такой силой, что эхо шлёпнулось о скалы. Невысокий, плотный,

одетый в дорожную, кислотно-синюю горную экипировку известного бренда, которая кричала о цене, но молчала об опыте. В руках – не рюкзак, а алюминиевый кейс с кодовым замком.

– Кто здесь за главного? – это были его первые слова в холле, брошенные в сторону стойки. – Мне нужна самая тёплая комната. Не с видом на эту чёртову дыру, – он мотнул головой в сторону заледеневшего окна, за которым было ущелье, – а на подъездную дорогу. Чтобы видеть, кто приезжает. И чтобы душ работал. Понимаете?

Администратор, не отрываясь от книги, протянул ему ключ. «Номер семь. Последний в коридоре. Душ по расписанию, вечером, два часа. Горячая вода из бойлера».

Кирилл фыркнул, но ключ взял. Его взгляд, быстрый и оценивающий, скользнул по Алексею (стоял у лестницы, наблюдал – оценка угрозы: ноль, «ботаник»), по Марине (замерла у фотографий – «истеричка», неинтересно), задержался на мозаике с альпинистами (пренебрежительная усмешка). Он купил бы это место, чтобы снести, если бы оно того стоило. Но оно не стоило. Оно было дыркой. А Кирилл ненавидел дырки, в которые можно провалиться. Он предпочитал быть тем, кто пинает других в провал. Так было проще. Так было... интереснее.

– Ладно, – буркнул он. – Где можно покормить машину? Розетка есть?

– Генератор в пристройке. Можно подключиться, – монотонно ответил администратор. – Вечером.

Кирилл хмыкнул и грузно потопал вверх, его шаги гулко отдавались в пустом здании.

Вера Миронова появилась неожиданно, со стороны служебного входа со склона. Она вошла в холл, стряхивая с тёмно-синего экспедиционного пуховика снежную крупу. Не туристка – исследователь. За плечами – профессиональный рюкзак с алюминиевым каркасом, туго набитый приборами. В руках – планшет в ударозащищенном корпусе, на экране светилась карта с треком.

– Миронова, – отрекомендовалась она администратору, не здороваясь с остальными. – Бронирование через институт. У меня работы на три дня. Мне нужен доступ к восточной стене здания, к крыше и, обязательно, в подвал. Для установки оборудования.

Администратор отложил книгу. Впервые. Он внимательно посмотрел на неё.

– Подвал завален старым хламом. И сыро. Ключ у меня.

– Это не проблема, – Вера уже погрузилась в планшет. Она достала компактный электронный барометр, сверила его показания с GPS. Брови её слегка поползли вверх. – Давление падает быстрее, чем предсказывала модель. Интересно... – проговорила она вслух, но для себя.

– Модели здесь не работают, – тихо сказал администратор. – Здесь работает только гора.

Вера подняла на него взгляд. В её глазах вспыхнул холодный, аналитический интерес.

– Гора – это геологическое образование. Она не «работает». На неё действуют физические законы. Я здесь, чтобы их измерить.

– Измеряйте, – безразлично ответил мужчина и снова взялся за книгу, но Вера заметила, как его глаза скользнули к тому же стакану с водой. Рябь была сильнее.

Она прикинула в уме: вибрация. Низкочастотные колебания. Инфразвук? Первый факт для блокнота.

Ян пришёл последним, уже в синих, густых сумерках. Не на машине, а пешком, с большим армейским рюкзаком, заляпанным грязью и снегом. Он не постучал, не толкнул дверь. Он как-то просочился внутрь, растворившись в тени от высокой, пыльной этажерки с книгами в углу холла. Молодой, очень худой, в простой, потёртой куртке и штанах, лица почти не было видно под капюшоном.

Он сбросил рюкзак у ног с тихим стуком. И, не здороваясь, не глядя по сторонам, достал из нагрудного кармана старую плёночную камеру «Зенит-Е». Не стал фотографировать людей или вид из окна. Он поднял объектив и прицелился в угол потолка, где облупившаяся краска и подтёки влаги образовывали причудливый узор, похожий на карту неизвестного архипелага. Щёлк. Механический, сухой звук затвора разрезал тишину. Затем он повернулся и снял отра-

жение потускневшей люстры в чёрной, пластиковой табличке на стене «Правила пожарной безопасности». В выпуклой поверхности таблички рожки люстры искривились, превратившись в щупальца. Щёлк.

Только потом он опустил камеру и обвёл присутствующих медленным, тяжёлым взглядом. Сейчас его лицо было видно: бледное, почти прозрачное, с тёмными кругами под глазами. Глаза слишком большие, смотрящие не на людей, а сквозь них, на пространство за их спинами, на саму ткань воздуха в этом холле.

Его нос слегка дрогнул, ноздри расширились. Он не нюхал запахи. Он пробовал атмосферу.

– У вас страх пахнет озоном, – сказал Ян тихим, но отчётливым голосом, будто констатируя погоду. – Знаете? Как перед грозой. Чистый, пустой, колющий запах. И он... звенит. Высокой нотой. Ля-бемоль.

В холле воцарилась тишина, ещё более густая, чем прежде. Администратор медленно перевернул страницу, но его глаз не двигался по строке. Кирилл, спускавшийся по лестнице, замер на полпути, его лицо исказила гримаса брезгливого недоумения.

– Ты что, наркоман? – бросил он сверху.

– Нет, – просто ответил Ян, поворачивая к нему голову. – Я просто вижу. И слышу. И чувствую на вкус. У вас, например... – он причмокнул губами, будто пробуя вино, – в голосе сейчас – вкус железа. И мокрого пепла. Интересное сочетание. Очень... тяжёлое.

Кирилл не нашёлся что ответить. Он спустился, швырнул на стойку ключ. «Душ, говоришь, по расписанию? Когда это «вечером»?»

Алексей, наблюдавший со стороны, провёл ладонью в белой перчатке по гладкой ручке своего чемодана. Его лицо было маской спокойствия, но под перчаткой пальцы судорожно сжались.

Вера впервые полностью оторвалась от планшета и посмотрела на Яна не как на сумасшедшего, а как на неопознанный природный феномен. В её голове на долю секунды всплыла собственная строчка из блокнота: «...заменить суеверия графиками». И вот он, живой источник этих суеверий, стоял перед ней. Дышащий, чувствующий синестетик. Не график, а сырые данные в режиме реального времени. Ирония ситуации была столь очевидной, что почти успокаивала. Это можно было классифицировать: «Сенсорная интегративная дисфункция. Вероятно, синестезия. Требуется наблюдения».

Марина сжалась. Она вдруг почувствовала, как по её спине, от копчика до шеи, пробежал ледяной, точечный холодок. Не от слов Яна. А от их абсолютной, безжалостной точности. Этот холодок был знакомым. Таким же, как в детстве, когда она, ещё не понимая слов, читала отцовские дневники и чувствовала, как сквозь строки о ветре, высоте и давлении сочится что-то пустое, холодное и безвозвратно чужое. Она всегда боялась найти это «что-то» на фотографиях. Теперь кто-то говорил его вслух, на вкус и цвет.

Вечер первый. Недоверчивый ужин.

Столовая была огромным, промозглым залом с паркетом, посеревшим от времени и влаги. Столы были накрыты дешёвой клеёнкой с пупырышками, на некоторых пупырышки лопнули, оставив тёмные дырочки. Горячее принесла немолодая, молчаливая женщина в бесформенном сером халате – гречневую кашу с тушёнкой в алюминиевых мисках, чай в таком же алюминиевом чайнике. Ели молча. Звук ложек о металл был единственным, что нарушало тишину.

Кирилл, развалившись на стуле, начал первым, обращаясь больше к потолку, чем к людям:

– Я на Эльбрусе в прошлом году был. С командой. Гид, малахай, кошки – всё топ. Но народ попался слабый. Одного, жирного такого, на «бублике» вниз спустили, давление шалило. А я – хоть бы хны. Организм должен быть готов. И голова. Без головы в горах – труп.

– Высота Эльбруса и здесь – несопоставима, – не глядя на него, заметила Вера, аккуратно отделяя гречку от тушёнки, будто проводя анализ. – А симптомы высотной болезни могут проявиться уже с двух тысяч пятисот метров при быстром наборе высоты. Головная боль, тошнота, спутанность сознания, отёк лёгких или мозга. Это не вопрос «силы организма» или «головы». Это биохимия. Физиология.

Кирилл на мгновение опешил, потом налил себе чаю, громко хлебнул.

– Теория. Я на практике проверял. Мне теория до лампочки.

Алексей вежливо кивнул, будто соглашаясь с обоими. Его собственная миска была почти нетронута. Он резал еду медленно, тщательно, но почти не подносил ко рту. Его перчатки лежали рядом на столе, сложенные в аккуратный квадратик. Руки под столом были сцеплены в замок, большие пальцы ритмично давили друг на друга, сустав на сустав.

Марина молчала, ковыряясь в еде. Она украдкой смотрела на Веру, на её спокойные, точные движения. На Алексея – на его неестественную, хирургическую собранность. На Яна, который не притронулся к еде, а сидел, откинувшись на стуле, и смотрел в потолок, где шла трещина по балке. Его зрачки были чёрными и бездонными, будто вбирали в себя весь тусклый свет зала.

Ян вдруг произнёс, не меняя позы, голосом мечтательным и отстранённым:

– А ваши слова, Кирилл, они... колючие. И тёплые, как пережаренное масло. Интересное сочетание. Тёплые колючки. Вы ими... защищаетесь? Или нападаете?

Кирилл замер с чашкой на полпути ко рту. Его лицо медленно налилось кровью.

– Ты опять за своё? Псих натуральный.

– Нет, – просто ответил Ян, наконец, опуская взгляд на него. – Я просто вижу. И слышу. И чувствую на вкус. У вас, например, в голосе сейчас – вкуса железа и мокрого пепла стало больше. И цвет... алый стал. Колючий алый.

Вера положила ложку. Её лицо выражало не раздражение, а интенсивную внутреннюю работу. Она снова мысленно вернулась к своим графикам, пытаясь найти для Яна ячейку в таблице. «Сенсорная интегративная дисфункция? Нет, слишком общее. Синестезия проективного типа? С элементами эмпатии? Возможно, компенсаторный механизм в ответ на раннюю сенсорную депривацию...»

– Синестезия, – сказала она, наконец, вслух, больше себе, чем другим. – Редкое состояние восприятия. Смещение сенсорных каналов. Звук имеет вкус, цвет – запах. Не признак психоза. Особенность нейрофизиологии. Своего рода... живые данные.

– А у вас, – медленно повернул к ней голову Ян, – мысли пахнут старыми библиотеками. Пыльными фолиантами. И... горьким миндалём. Очень интересно. Горький миндаль и пыль.

– Цианистый водород имеет запах горького миндаля, – парировала Вера, и в её глазах мелькнула тень холодного удовлетворения: феномен можно было объяснить через химию, связать с молекулами. – Но я не отравлена. Пока что. Это, вероятно, ассоциация с чем-то другим.

Алексей вдруг разжал свои сцепленные под столом пальцы. Впервые за вечер. Он посмотрел на свои руки, лежащие теперь ладонями вверх на коленях. При свете тусклой лампы они казались восковыми, идеально чистыми, с тонкими, почти невидимыми шрамами от игл и скальпелей на подушечках пальцев. И они были совершенно неподвижны. Одну секунду.

Потом мизинец на левой руке дрогнул. Едва заметно. Как лист на ветру перед грозой. Непроизвольное мышечное подёргивание. Фасцикуляция. Алексей медленно, с преувеличенным контролем, снова сцепил руки, будто надевая на них невидимые наручники. Затем поднялся.

– Прощу прощения. Я устал с дороги.

Он вышел из столовой, и его шаги по скрипучему паркету звучали как отстукивание метронома в наступившей тяжёлой, озонной тишине.

Первая трещина прошла не по стеклу окна, не по штукатурке стен. Она прошла по хрупкому, прозрачному лаку их светского безразличия. И в неё уже сочился холодный, разрежённый воздух снаружи, пахнувший грозой, которая ещё не грянула, но уже висела в атмосфере над ущельем, незримая и неотвратимая. Как обещание.

Гора начинала присматриваться к своим новым снам.

День 2. Исследование территории.

Утро было серым, мутным, словно мир за окном был нарисован акварелью по сырой бумаге. Солнце – бледное, без тепла, пятно за свинцовым слоем облаков. Тишина, установившаяся ночью, не ушла, а застыла, стала фоновым гулом, который ощущался зубами.

Вера вышла первой. Она была одета в тёмный термокостюм, на спине – лёгкий рюкзак с базовым набором приборов: газоанализатор, портативный сейсмограф, GPS-трекер. Её планшет, прикрепленный к предплечью, показывал карту с отмеченными точками для замеров.

Она обошла здание, делая заметки. Восточная стена, обращенная к ущелью, была покрыта толстым слоем выцветов – белых, солевых разводов, проступивших сквозь штукатурку. Узор напоминал лёгкие или ветвистое дерево. Она сделала несколько снимков крупным планом. «Высолы. Интенсивное. Возможно, указывает на постоянную влажность и химический состав грунтовых вод. Образцы».

На северной стороне, там, где пристройка с генератором примыкала к скале, она нашла вентиляционную решётку, почти полностью заваленную хвоей и льдом. Но не это привлекло её внимание. Над решёткой, на голой бетонной стене, кто-то выцарапал – не краской, а чем-то металлическим, прямо по цементу – ряд цифр: 719 55 98.

Вера замерла. Цифры из дневника Павла. Из дневника отца Марины. Они здесь. Физически. Она прикоснулась к ним в перчатке. Царапины были старыми, края сглаженными временем и осадками, но глубокими. Кто-то очень старательно и долго выводил их.

Она включила диктофон на планшете.

– Точка 4А. Северная стена, координаты. Обнаружены граффити – последовательность чисел: семьсот девятнадцать, пятьдесят пять, девяносто восемь. Та же последовательность, что фигурирует в архивных записях об инцидентах на объектах подобного типа. Гипотеза: не случайный вандализм. Возможно, маркировка, сигнал, часть протокола или ритуала. Требуется проверка на других объектах комплекса.

Она двинулась дальше, в лес за отелем. Снег здесь был глубже, ноздреватым, проваливался под ногами. Через двести метров, в небольшой ложбине, она наткнулась на бетонный куб, немного занесен снегом. Металлическая дверь с него была сорвана и валялась рядом, покрытая ржавчиной. Внутри – пустота, следы от креплений на стенах и полу. Метеоколонка. Но не обычная. На сохранившейся боковой панели был логотип не Гидрометцентра, а абстрактный символ: стилизованный глаз в треугольнике, а под ним буквы «КГИ АН СССР» – Комиссия по геофизическим исследованиям.

Вера почувствовала холодный толчок азарта. Она нашла его. Прямое доказательство. Эта колонка – часть научной, а не хозяйственной инфраструктуры. Она сфотографировала логотип, залезла внутрь куба. На внутренней стороне сорванной двери, в самом низу, царапинами был нанесён тот же набор цифр. И ниже, ещё одна строчка, более корявая: «ЗДЕСЬ НЕ СПЯТ. ОН СЛЫШИТ».

Марина, не в силах оставаться в душных стенах, тоже ушла бродить, но в другую сторону – по старой, заросшей тропе вдоль кромки леса. Она не искала ничего конкретного. Она пыталась уйти от самой себя, от навязчивого ритма, который отстукивал в висках: семь-один-девять, пять-пять, девяносто-восемь.

Тропа вывела её на небольшую поляну. И там, в самом центре, стоял столб. Не сосна, а обработанное, обтёсанное когда-то бревно, почти полностью сгнившее, покрытое мхом и лишайниками. Но на той части, что была защищена от ветра, угадывалась резьба. Спирали, расходящиеся из центра, и в них – упрощённые, но выразительные изображения глаз. Не человеческих. Широко раскрытых, круглых, с точкой-зрачком посередине. Их было много, они смотрели со столба во все стороны.

Тотем. Древний, допотопный.

Марина не почувствовала страха. Её охватила волна такой глубокой, немой печали, что у неё перехватило дыхание. Это была печаль самого места. Печаль камня, который вынужден видеть. Печаль одинокого стража, забытого даже теми, кто его поставил. Она села на корточки в снегу напротив столба, не сводя с него глаз. И ей показалось, что глаза на резьбе не просто смотрят. Они видят её. И в этом взгляде нет угрозы. Есть усталое узнавание: «А, опять ты. Опять пришла со своим страхом. Ну, садись. Рассказывай. Я всё равно никуда не денусь».

Она просидела так, может, минут двадцать, пока холод не начал проникать до костей. Вставая, она вытащила из кармана кусочек чёрного хлеба из вчерашнего ужина и положила его у подножия столба. Бессмысленный, инстинктивный жест. Подношение. Не духу. Печали.

Кирилл, раздражённый отсутствием связи (на телефоне давно горел «нет сети»), решил взять ситуацию под контроль. Он загрузил в рюкзак спутниковый телефон (который, к его ярости, тоже не ловил из-за гор), бинокль, мультитул и отправился на разведку. Его цель – найти высокую точку, чтобы поймать хоть какую-то соту или увидеть признаки жизни.

Он забрался на скальный выступ метрах в пятистах от отеля, цепляясь за мёрзлый камень. Сверху открывался вид на ущелье и противоположный склон. И на то, чего не было видно снизу. В соседней, параллельной долине, за гребнем, стояли строения. Небольшие, одноэтажные, серые, выстроенные в идеально ровную линию. Бараки. Их было штук десять. Ни дыма, ни движения, ни следов техники. Совершенная, мёртвая геометрия посреди хаотичной природы.

– Что за ерунда? – пробормотал Кирилл.

Он навёл бинокль. Окна бараков были темны, некоторые заколочены. Крыши проседали. Но подъездная дорога к ним была расчищена. Не полностью, но видно, что по ней ездили не так давно. И на самом ближнем к нему здании, на торцевой стене, была нарисована большая, потускневшая, но узнаваемая буква «К» в круге.

Карантин? Казармы? Лаборатория?

Кирилл чувствовал не страх, а раздражение. Ему не нравились секреты, которыми он не владел. И ему категорически не нравилась эта картинка: он в дыре, а в соседней дыре – ещё какая-то непонятная активность. Он снял перчатку, достал телефон, сделал несколько снимков через бинокль. Качество было ужасным, но контуры угадывались.

Спускаясь, он поскользнулся, ухватился за выступ, и его рука в тонкой спортивной перчатке наткнулась на что-то холодное и острое, забитое в расщелину. Он вытащил предмет. Это был скальпель. Старый, ржавый, с деревянной, потрескавшейся ручкой. На лезвии, у основания, были выцарапаны инициалы: «В.К».

Кирилл фыркнул и швырнул скальпель вниз, в снег. Кто знает, какой псих его тут оставил. Но по дороге к отелю его рука, которой он держался за скалу, непроизвольно разжималась и сжималась, как будто всё ещё чувствуя холод металла и форму рукоятки, идеально подходящую для пальцев.

Алексей провёл утро в номере. Он разложил на кровати своё снаряжение и провёл инвентаризацию с педантичностью фармацевта. Аптечка, инструменты, запас стерильных перчаток, антисептики. Всё на своих местах. Всё чисто.

Он подошёл к окну. Вид был на задний двор и начало леса. Он наблюдал, как Вера методично обходит здание, как Марина уходит по тропе, как Кирилл карабкается на скалу. Он был хирургом. Наблюдателем. Его роль – оценивать состояние систем, ждать момента, когда потребуется вмешательство.

Его взгляд упал на подоконник. Между рамой и разошедшейся деревянной доской торчал уголок чего-то белого. Он поддел его пинцетом из аптечки (никогда не знаешь). Это был пожелтевший, сложенный вчетверо листок бумаги. Бумага для черчения. На ней чёрной тушью был нарисован схематичный план этажа номера, но с дополнительными, не соответствующими

реальности деталями. Стена, где сейчас был шкаф, была помечена как «Вент. шахта А-7». А в углу, у пола, была нарисована маленькая стрелка и надпись: «Ревизионный люк. Для доступа к кабелям».

Алексей осторожно отогнал шкаф. Под ним был линолеум, приклеенный к полу. Но в углу, действительно, был едва заметный прямоугольный контур, замазанный краской под цвет пола. Люк. Он не стал его открывать. Он аккуратно сложил чертёж и положил в карман. Его мозг, отточенный годами изучения анатомических атласов, уже начал строить трёхмерную модель: здание имело скрытую внутреннюю структуру. Как тело – кожу, мышцы и кости, скрытые от глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.